

Жун Му сказал:

— Тетенька, вы бы почитали закон! Лица старше шестнадцати лет, но не достигшие восемнадцати, тоже могут подписывать контракты, которые имеют юридическую силу для обеих сторон.

— Вы... вы... Мне все равно, это чистой воды обман! — Родители Цяо Сяо, не сумев возразить, начали упрямиться.

Ян Гуан произнес:

— Похоже, вы не сможете вернуть тридцать миллионов. Тогда дела плохи. Десять лет, от семнадцати до двадцати семи лет Цяо Сяо — золотой возраст для дебюта — будут потрачены в нашей неприметной компании. Его будущее...

— Нет! Нет! — Отец Цяо Сяо тут же о чем-то вспомнил, повернулся к Цяо Аньюню и, указывая на него пальцем, закричал:

— Он! У него есть деньги! Вы требуйте с него, у него полно денег, тридцать миллионов! Быстро достань тридцать миллионов, чтобы расторгнуть контракт твоего брата! Ты хочешь разрушить его жизнь?!

Цяо Аньюнь спокойно стоял в стороне. Он даже не говорил, словно не слышал разговора окружающих, а лишь повернул голову и уставился на плюшевого мишку, стоящего на полке.

Как ни посмотри, этот плюшевый мишка очень напоминал того, которого ему подарили родители, когда забирали из детского дома. Такой же...

Голова мишки была сшита, и работа была не самой аккуратной, кое-где виднелись нитки. Мишка слегка наклонил голову, смотря на Цяо Аньюня с наивным выражением.

— Цяо Аньюнь! Достань деньги!

— Это же жизнь твоего брата! Без этих денег его жизнь будет разрушена!

Цяо Аньюнь наконец отвел взгляд и спокойно сказал:

— Этот мишка... он все еще здесь?

— Что? — Приемные родители были озадачены его вопросом, не понимая, о чем он говорит.

Цяо Аньюнь спокойно продолжил:

— Два года назад, когда меня отправили на подпольные бои, я оставил этого мишку дома, не смог взять с собой. Он все еще здесь?

— Какой мишка?! — Цяо Сяо закричал:

— Цяо Аньюнь, ты что, не хочешь давать деньги? Не уводи разговор в сторону!

Цяо Аньюнь пробормотал себе под нос:

— Никто не помнит... Вот почему я ненавижу плюшевые игрушки.

Он снова посмотрел на приемных родителей и спросил:

— Когда вы отправляли меня на бои, вы думали о том, что моя жизнь тоже может быть разрушена?

— О чем ты говоришь! — Отец ответил:

— Тогда у нас не было выбора! Ты же часть семьи! Ты уже взрослый, разве не должен помогать семье?

— Именно, — добавила мать:

— Сейчас ты в порядке, зарабатываешь много. О каком разрушении речь?

Цяо Аньюнь кивнул:

— Потому что вам все равно, если я разрушусь, это не будет вам больно...

Он поднял руку и, сквозь черную форму, ощупал шрамы на своем теле. Где бы он ни прикоснулся, под рукой ощущались переплетения ран, одна поверх другой, каждая из которых приносила пронзительную боль...

Ян Гуан, слушая слова Цяо Аньюня, закрыл глаза, внезапно почувствовав странное сходство. Действительно, когда тебе все равно, ты не испытываешь особых чувств.

В прошлой жизни Ян Гуан, будучи вторым сыном, с детства старался привлечь внимание родителей, делая все в сто, даже в тысячу раз лучше, чем старший брат. Отец ценил бережливость, и Ян Гуан был бережлив. Мать любила преданных мужчин, и он избегал женщин. Но сколько бы он ни старался, как бы ни подавлял свою природу, все равно слышал, как хвалят старшего брата за его искренность, а его самого называли лишь лицемером...

Ян Гуан снова открыл глаза, встал и спокойно сказал:

— Ладно, пора заканчивать этот фарс.

Он поманил маленького Ян Цзяня, и тот сразу же поднял большой бумажный пакет. Пакет был слишком большим, и, волочась по полу, он издавал скрипящий звук, когда его тащили.

Малыш, встав на цыпочки, чуть не засунул голову в пакет, достал оттуда коричневого плюшевого мишку и, подняв его перед Цяо Аньюнем, сказал:

— Большой брат! Держи!

Цяо Аньюнь был поражен:

— Это...

Плюшевый мишка!

Точно такой же, как тот, который ему подарили приемные родители, когда забирали из детского дома!

Нет, не совсем такой же, потому что этот мишка был явно новее, чем тот, старый.

Ян Гуан видел материалы, собранные Цянь Сяолю, среди которых была фотография Цяо Аньюня, держащего мишку, с приемными родителями в детском доме.

Маленький Цяо Аньюнь улыбался, как ангел, и его улыбка была такой же сладкой, как у маленького Ян Цзяня.

Ян Гуан специально поручил найти такого мишку в магазине игрушек. Модель была очень старой, но в одном антикварном магазине нашли совершенно нового мишку, которого Ян Гуан и купил.

Цяо Аньюнь посмотрел на маленького Ян Цзяня, держащего мишку, и на мгновение ему показалось, что он видит себя много лет назад...

Цяо Аньюнь не взял мишку, а лишь замер, глядя на него. Ян Гуан взял мишку в руки — для его большой ладони мишка был совсем небольшим.

Ян Гуан спокойно повертел мишку в руках и сказал:

— Внутри этого мишки спрятан чек на тридцать миллионов.

— Тридцать миллионов!

— Тридцать миллионов...

Приемные родители и Цяо Сяо начали шептаться, их взгляды, устремленные на мишку, полны алчности.

Ян Гуан добавил:

— Если ты подпишешь контракт с нашей компанией и станешь нашим артистом, этот мишка будет тебе подарком. А эти деньги...

Он посмотрел на приемных родителей и Цяо Сяо, полных жадности, и сказал:

— Ты можешь использовать их, чтобы оплатить бездонные долги за воспитание.

— Ну что? — Ян Гуан не торопил:

— Хочешь подписать контракт?

— Подписывай!

— Цяо Аньюнь, быстрее подписывай!

— Это же тридцать миллионов!

Приемные родители торопили, с нетерпением ожидая, что Цяо Аньюнь согласится.

Ян Гуан поднял руку, протянул мишку и с легкой улыбкой сказал:

— Некоторым нужно сшить, чтобы спастись...

Он взглянул на игрушечного мишку Янь Мо, сидящего на полке.

— Но некоторым... — Ян Гуан перевел взгляд на Цяо Аньюня:

— Нужно разрушить. Нечего подавлять себя. Жалкие люди обречены на печаль, но, по-моему, тебе не нужно ничье сочувствие.

Цяо Аньюнь, слушая слова Ян Гуана, прищурился. Его взгляд оставался холодным, но не бесчувственным, словно ледяной покров, треснувший с громким хрустом.

Он поднял руку и взял плюшевого мишку у Ян Гуана.

— Ах!

— Ох!

На фоне возгласов и вздохов Цяо Сяо и приемных родителей Цяо Аньюнь без колебаний одной рукой схватил тело мишки, а другой — голову, и с резким звуком разорвал его пополам.

Вата вылетела, разлетаясь во все стороны, а вместе с ней на пол упал листок бумаги...

— Боже! Тридцать миллионов!

Цяо Сяо закричал, схватив чек с пола:

— Тридцать миллионов! Боже, у меня есть деньги! Мама, папа! У нас есть деньги! Тридцать миллионов!

Цяо Аньюнь, в криках Цяо Сяо, с облегчением выдохнул. Ему казалось, что он разорвал не голову мишки, а...

Свое прошлое.

В душе поднялось чувство невиданного прежде облегчения.

Ян Гуан, среди радостных возгласов семьи, развел руками. Его ладони были широкими, длинными, с сильными пальцами, от которых бы вскрикнул любой любитель красивых рук.

Ян Гуан развел руки, разрушив радость семьи, и сказал:

— Штраф за расторжение контракта — тридцать миллионов.

Цяо Сяо, только что получивший огромную сумму, еще не успел насладиться богатством, как в одно мгновение вырвался из мира грез.

Верно, был еще штраф, и чтобы решить вопрос, нужно было заплатить тридцать миллионов.

Шу!

Ян Гуан безжалостно выхватил чек обратно. Цяо Сяо хотел сопротивляться, но он не мог сравниться с быстротой Ян Гуана. Чек исчез из его рук.

Чек на тридцать миллионов, сначала попавший к Ян Гуану, затем к Цяо Аньюню, потом к Цяо Сяо, и, наконец, вернулся к Ян Гуану.

Ян Гуан сказал:

— Я принимаю штраф. Цяо Аньюнь подписывает контракт, а вы можете идти.

Цяо Сяо изменился в лице, несколько раз дернулся, с ненавистью глядя на чек, но ничего не мог поделать.

Ян Мо холодно произнес:

— Мой бар не приветствует несовершеннолетних, уходите.

<http://bllate.org/book/16206/1455550>